

УДК 101.1

DOI: 10.25730/VSU.7606.23.002

Динамическая структура коллективной памяти с позиций методологии социального конструктивизма

Цветкова Ирина Викторовна¹, Евченко Ольга Сергеевна²

¹доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Тольяттинский государственный университет.

Россия, г. Тольятти. ORCID: 0000-0002-3433-328X. E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

²кандидат философских наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории и философии,
Тольяттинский государственный университет.

Россия, г. Тольятти. ORCID: 0000-0002-3198-4597. E-mail: evchenko75@mail.ru

Аннотация. Актуальность работы обусловлена развитием нового научного направления, связанного с изучением коллективной памяти, Memory Studies. В развитии данного междисциплинарного направления принимают участие философы, историки, социологи, культурологи, политологи. По мере проведения исследований в различных областях появилось множество терминов, описывающих феномен коллективной памяти, например, «историческая память», «социальная память», «политическая память» и так далее. Memory Studies рассматривается как область знаний, которая выступает в качестве альтернативы по отношению к «традиционной» исторической науке. Цель статьи состоит в описании структуры коллективной памяти в контексте методологии конструктивизма. Преимущество такого подхода состоит в том, что он дает возможность изучить структурные элементы коллективной памяти, выявить механизмы ее функционирования в социальной жизни. В качестве методологической основы анализа использована концепция американского философа Дж. Серла, в которой восприятие общества конструируется при помощи социальных и объективных фактов. Исторические факты, которые являются результатом научных исследований, оказывают определенное влияние на коллективную память. Для исторической науки коллективная память выступает объектом критического анализа, а не прочным основанием для выводов. В конструктивизме формирование коллективной памяти рассматривается как создание социальных фактов на основе идеальных объектов, интенциональности и конститутивных правил. Данная структура социальных фактов использована в работе для описания механизмов коллективной памяти. Формирование идеальных объектов происходит на основе избирательного отношения к событиям прошлого. На уровне индивидуального опыта информация о прошлом фиксируется при помощи средств коммуникации и становится достоянием не только очевидцев событий, но также других членов сообщества. Процессы интенциональности создают общее представление о событиях прошлого в форме нарратива, которые используются для формирования идентичности. Конститутивные правила применяются для управления коллективной памятью в целях решения политических задач. Таким образом, коллективная память с позиций конструктивизма рассматривается как динамическая структура, которая меняется под влиянием социальных факторов современной общественной жизни.

Ключевые слова: коллективная память, методология конструктивизма, структура, социальная идентичность, общественное сознание, стереотипы, ценности, исторический нарратив.

Введение. Проблемы изучения коллективной памяти приобрели большое значение в конце прошлого века в связи с возрастанием темпов социальных изменений, которые происходили как на локальном, так и на глобальном уровне. Распад социалистической системы, процессы интеграции европейских государств, развитие глобализации выступили факторами, которые оказали влияние на пересмотр отношения к истории. Интерес к коллективной памяти вызван бурным развитием социальных технологий, которые ставят задачи управления общественным сознанием, находят применение в различных сферах общественной жизни.

Начиная с 80-х гг. прошлого века, формируется особое междисциплинарное направление, которое получило название Memory Studies. Изучением коллективной памяти занимаются представители различных наук: историки, психологи, культурологи, социологи, этнографы.

В настоящее время зарубежными и отечественными исследователями опубликовано множество научных работ, в которых рассматриваются этапы становления Memory Studies. Изучение коллективной памяти в течение последних десятилетий шло по пути выделения различных аспектов коллективной памяти, в результате этого возникло множество концептов, востребованных в социальных и гуманитарных исследованиях: «социальная память», «культурная память», «историческая память», «политическая память» и так далее.

Начальный этап изучения коллективной памяти связан с работами Э. Дюркгейма и Хальбвакса. Ученые уделяли большое внимание социальным аспектам коллективной памяти, а также способам социальных взаимодействий, которые позволяют сохранять информацию о прошлом: ритуалам, мифам, легендам. Исследования способствовали формированию представлений о роли коллективной памяти в преемственности социального опыта между поколениями. Концепция коллективной памяти позволила получить ответы на вопрос о том, как на протяжении поколений сохраняются особенности мировоззрения и поведения у представителей социальных общностей. Согласно теории Хальбвакса, специфические черты принадлежности к определенному обществу и культуре определяются условиями социализации индивида и обычаями группы, к которой он принадлежит [14]. Социальные группы коллективно реконструируют свой прошлый опыт, и поэтому даже если у человека есть определенный взгляд на реконструкцию прошлого, он во многом определяется коллективными представлениями. Это ставит проблему использования «коллективной памяти» в качестве аналитического инструмента, поскольку реконструкция прошлого отдельными группами может быть основана на мифах, легендах и фантазиях, недоступных посторонним.

Методология изучения коллективной памяти в настоящее время является предметом дискуссий. Критики теории коллективной памяти, разработанной Хальбваксом, используют труды Гегеля, Маркса и Ницше, а также современных мыслителей, таких как Бурдьё, и представителей Франкфуртской школы для поиска контраргументов [19]. Несмотря на критику, концепция коллективной памяти Хальбвакса по-прежнему актуальна, поскольку каждый человек принадлежит к нескольким группам, каждая из которых обладает коллективными представлениями о себе и воспоминаниями о событиях, значимых для общества в целом.

Следующий этап в развитии исследований коллективной памяти связан с изучением социально-культурных процессов, которые важны для социализации членов определенного общества, формирования их идентичности. Разработка понятий «культурной памяти» нашла отражение в работах Яна и Алейды Ассманн, которые подчеркивали значение коммуникативных практик чтения, восприятия визуальных образов, интерпретации в восприятии информации о прошлом [2; 3].

В современной науке рассматриваются различия между исторической, культурной и социальной памятью. В частности, Т. Э. Рагозина отмечает, что понятия «культурная память» и «историческая память» следует рассматривать в различных плоскостях научного анализа. Культурная память, по мнению исследователя, характеризует механизмы формирования социального опыта в процессе исторического развития, тогда как понятие «историческая память» относится к политической деятельности, которая направлена на управление общественным сознанием [10]. По нашему мнению, у этих феноменов наблюдается сходство выполняемых функций. Они взаимно дополняют друг друга, сопровождая социокультурные практики, которые влияют на формирование мировоззрения.

Изучение коллективной памяти проводится в политических исследованиях, в которых подчеркивается ее значение для реализации политических целей. В частности, коллективную память используют как инструмент легитимности. Результаты исследований политической памяти представлены в работах К. Ходкина и С. Рэдстоуна, Дж. Олика, Е. Мейера. Коллективная память в сфере политики стремится к созданию единого нарратива, в связи с этим наблюдается противоборство различных способов интерпретаций прошлого, которое используется в политической борьбе [8].

По мнению О. А. Власовой, изучение коллективной памяти в политическом аспекте ограничивает развитие исследований Memory Studies в других сферах, непосредственно не связанных с изучением политических институтов [4].

Многообразие аспектов изучения коллективной памяти связано с ее особыми функциями в жизни социума, в культуре, в политических отношениях. В связи с этим предлагаются различные трактовки коллективной памяти в качестве социальной, культурной, исторической или политической. На обилие новых терминов, которые используются в Memory Studies, обратил внимание Вульф Канштайнер [20]. Можно предположить, что данный плюрализм объясняется тем, что коллективную память изучает множество наук, у которых различаются подходы к исследованию данного феномена.

Несмотря на большое количество публикаций зарубежных и отечественных философов в рамках Memory Studies, в настоящее время недостаточно проработаны методологические основания для целостной концепции коллективной памяти. В частности, это приводит к то-

му, что некоторые ученые на фоне бурного развития Memory Studies в различных направлениях отмечают «маргинализацию» истории как науки.

Цель нашего исследования состоит в изучении коллективной памяти как динамической структуры для понимания механизмов ее функционирования и воспроизведения образов прошлого в условиях современного общества.

Методология исследования. Методологической основой статьи послужила концепция конструктивизма, которая подчеркивает значение общественного сознания для формирования социальных связей. Конструктивизм рассматривает общество как динамическую структуру, включающую систему социальных коммуникаций. Конструктивистский подход подчеркивает значимость общих представлений о социальном мире для отдельных членов общества, поскольку это повышает эффективность взаимодействий.

В предисловии к переводу книги Э. Лока и Т. Стронга *Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice* Д. Г. Подвойский сравнивает образ социальной реальности, созданный в концепциях конструктивистов, с «матрицей» [9]. Подобное сопоставление указывает на то, что взаимодействие человека с обществом обусловлено. Участвуя в коллективной деятельности, каждый индивид вносит вклад в воспроизводство социальных связей. При этом характер и способ взаимодействия между индивидами опосредован функционированием социальных институтов.

Для описания структур коллективной памяти нами использовались положения концепции американского философа Дж. Серла [12]. Согласно его теории, социальные конструкции человеческой культуры включают идеальные объекты, которые используются в совместной деятельности. Этот процесс порождает разнообразие культурных форм. Данный подход, по нашему мнению, имеет большое значение для исследования коллективной памяти, которая не сводится к сумме индивидуальных воспоминаний о прошлом. Преимущества социальной методологии социального конструктивизма в том, что она дает возможность проанализировать механизмы функционирования коллективной памяти, объяснить ее значение для различных социальных институтов и социальных общностей, а также исследовать особенности влияния на индивидуальное сознание.

В контексте методологии конструктивизма коллективная память рассматривается нами как преобразование информации о прошлом, которая фиксируется в общественном сознании при помощи социальных и исторических фактов и оказывает влияние на взаимодействия индивидов в социуме.

Результаты исследования. Коллективная память – это способность общественного сознания создавать образы событий прошлого, которые представляют ценность для социального сообщества. На формирование системы образов влияет множество факторов: официальная версия истории, различные виды исторических источников, а также личный опыт, переживания свидетелей, участников событий. Коллективная память фиксируется не только в научных знаниях об истории, но также в средствах массовой информации, литературе, исторических памятниках и так далее.

Различие между объективными фактами и социальными фактами занимает центральное место в анализе Серла. Философ применил данное различие к социальным взаимодействиям индивидов [13]. Серл выделил три основных элемента в создании социальных фактов.

Формирование идеальных объектов в исторической памяти. Способность человеческого сознания создавать идеальные объекты имеет большое значение для формирования социальных фактов. В концепции Серла данная особенность носит название «приписывание функции». В отличие от пассивного присвоения благ человеческую деятельность характеризует активное преобразовательное отношение к миру. Оно базируется на использовании идеальных объектов, которые формируются с помощью языка. Создание идеальных объектов связано с творческим, активным преобразованием информации о прошлом, которая фиксируется в коллективной памяти [13, с. 12].

Как отмечает Дж. Мегилл, память участников событий базируется на дорефлексивном восприятии прошлого, которое фиксируется в стереотипах, художественных образах, архетипах. Согласно концепции Мегилла, память о прошлом в узком смысле этого слова характерна только для участников событий. Однако сохранение и передача опыта о прошлом осуществляется при помощи средств коммуникации, созданных на определенных этапах развития общества. Таким образом, существует различие между традицией и памятью. Память связана с индивидуальным опытом переживания прошлого, а традиция относится к коллективному

опыту, который имеет большое значение для социализации индивидов [7]. Для жизненной траектории каждого человека и общества в целом в коллективной памяти переплетаются реальные идентичности и воображаемые, вызывающие не только «знание», но и повседневное «бытие». Системы ценностей проницаемы и взаимосвязаны.

Процесс формирования коллективной памяти проходит ряд стадий [11]. Первая стадия – это забвение, она связана с необходимостью временной дистанции для осознания ценности прошлого. На этом этапе связь с прошлым осуществляется на уровне индивидуального жизненного опыта, ее сохраняют очевидцы событий, которые их описывают на уровне отдельных ситуаций. Целостная картина прошлого на этом этапе отсутствует.

Вторая стадия формирует исторический нарратив о прошедших событиях. Спустя определенный период времени, отделяющий от прошлого, возникает общественная потребность в понимании роли субъектов в событиях, в объяснении значимости различных факторов. На этой стадии возникают различные варианты интерпретации событий, которые опираются на документы, воспоминания очевидцев. Коллективная память стремится создать целостную картину прошлого, придать им общественно значимый смысл.

Третья стадия коллективной памяти вызвана необходимостью установления связи прошлого и настоящего. Информация о прошлом приобретает актуальное значение, если способствует пониманию настоящего, формирует базу для создания образа будущего. Таким образом, идеологические функции исторической памяти обусловлены социальными механизмами актуализации информации о прошлом, в соотнесении с контекстом современного состояния общества.

Коллективная память избирательна – в ней содержится информация о событиях, наиболее сильно повлиявших на жизнь всего народа. Хранящиеся в исторической памяти события носят символический характер, кристаллизуя множество однотипных событий и воплощая народные представления о нормативном и героическом [16].

Коллективная память всегда связана с местами, где создается память, особенно с местами, имеющими особое значение, такими как святыни, места каких-либо значимых событий, сражений.

Интенциональность коллективной памяти. Вторым элементом, имеющим значение для формирования социальных фактов, – это коллективная интенциональность, которая воплощается в общих представлениях о жизненном мире, характерных для членов социального общества [13, с. 10].

Определяющей чертой коллективного сознания для Серла является то, что коллективная интенциональность существует и предшествует индивидуальной интенциональности. Первая фактически является причиной последней. То, чего хочет и знает индивид, может быть вызвано группой, частью которой он является.

Коллективное сознание рассматривается Серлом как свойство человеческих социальных групп, необходимое для построения социальной реальности. Общая цель группы – это не просто сумма целей отдельных индивидов, а особая социальная сила. Каждый социальный факт частично обусловлен коллективной интенциональностью. Это связующее звено человеческой культуры и основа совместных действий.

Коллективная интенциональность в структуре коллективной памяти реализуется в материальных и символических форматах – в городах, названиях улиц и площадей, в изображениях на денежных купюрах, при возведении памятников. Исторические ценности образуют иерархические ранги, используя специализированные языки и коды.

Факты, места и артефакты обретают значение, если существует нарратив, который формирует понимание исторических событий для восприятия его другими сторонами. Коллективная память, как правило, сохраняется путем повествования, которое передается из поколения в поколение.

Процесс функционирования коллективной памяти связан с формированием и воспроизведением исторического нарратива, который определяет повествование о прошлом на основе определенной социально-культурной традиции. В качестве примера можно привести нарративные структуры, которые применяются для повествования о событиях русской истории. Как отмечают зарубежные исследователи, прослеживается преемственность в изложении событий в «Сказании Авраамия Палицына», написанном в XVII веке о смутном периоде, и в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Эти произведения сближают изложение хроники испытаний народа во время войн, угрожавших независимости российского государства.

Примечательно, что архетипы русского народа, представленные в сочинении Палицына, помогли сформировать исторический нарратив исторической памяти русского народа, который не потерял своей жизненной силы. Героическое сопротивление советского народа во время Великой Отечественной войны, оборона Ленинграда, Сталинградская битва подтверждают социально-культурную ценность этого нарратива. В настоящее время элементы исторического нарратива продолжают служить общим ориентиром для национальной гордости, повторяя органическое слияние традиций, верований и коллективной идентичности [22].

Коллективная память имеет большое значение для формирования социальной идентичности. Субъектами исторической памяти могут выступать социальные группы, общности, этносы, граждане страны. Историческая память имеет большое значение для формирования региональной, этнической, гражданской идентичности.

Структура социальной идентичности приобретает устойчивость благодаря *интегративной функции исторической памяти*. Реализация этой функции создает целостный образ прошлого, который позволяет индивидам соотнести свой жизненный опыт, чувства и переживания с событиями, которые важны для социального сообщества. На фоне коллективного образа прошлого индивидуальный опыт приобретает смысл, приобщая индивида к свершениям прошлых поколений. Информация о прошлом, отображаемая в исторической памяти, создает образы, значимые для установления смысловой связи между индивидуальным и коллективным опытом.

Аксиологическая функция исторической памяти создает предпосылки для систематизации ценностей, установления преемственности между ценностями прошлых и современных поколений. Ценности, которые важны для определенной социальной группы, служат для формирования общих представлений не только о прошлом, но также о настоящем и будущем. Сохраняя информацию о прошлом, историческая память вызывает у людей чувство принадлежности к нации. Сопричастность истории воспринимается как неотъемлемая реальность, которая выступает составным элементом индивидуального самосознания членов сообщества [21].

Конститутивные правила коллективной памяти. Третий существенный элемент социальной реальности – это то, что Серл называет конститутивными правилами, создают условия для определенных социальных действий, для которых большое значение имеет прошлый опыт [13, с. 21]. Конститутивные правила формируют основу институциональных или социальных фактов.

В структуре социальной памяти конститутивные правила задаются при помощи идеологий. Они оказывают противоречивое влияние на функции социальной идентичности, подчиняя их интересам определенных социальных субъектов. Конститутивные правила определяют специфику механизмов коллективной памяти, которая избирательно сохраняет информацию о прошлом.

В качестве примера действия конститутивных правил приведем трансформацию смысловых акцентов в оценке национального движения под влиянием идеологических установок. Либерализм и национализм были неразделимы друг от друга в течение XIX в. Право народов национальное самоопределение выступало частью либеральной доктрины. Президент США Вудро Вильсон использовал эти идеи для формирования проекта мирового порядка XX в., который стал нормой в современном мире. Право на национальное самоопределение, основанное на принципе народного выбора, получило признание в современном мире.

После Второй мировой войны либеральные концепции меняют отношение к национализму под влиянием распространения агрессивного и шовинистического национализма, кульминацией которого стал нацизм. Этот исторический опыт сформировал противоречивое и враждебное отношение либералов к национальной идее. Современный либерализм исповедует универсализм, космополитизм, который опирается на процессы глобализации. Однако национализм даже в либеральной форме включает элементы групповой идентичности и солидарности. Опасаясь крайностей национализма, либерализм игнорирует тот факт, что этническая и национальная принадлежность основывается на подлинных и глубоко укоренившихся чувствах. Либерализм рассматривает их не более чем продукт конкретных условий, относящихся к историческому прошлому [17].

Н. И. Шестов отмечает, что коллективная память выступает в качестве «ресурса» для решения политических задач. В коллективной памяти, по мнению исследователя, существуют механизмы «адресации», которые дают возможность извлекать из исторической информации фрагменты, которые позволяют оперативно решать задачи. Механизм «адресации» позволяет при оценке события, происходящего в современности, находить соответствие на основе использования стереотипных оценок прошлого. В содержании коллективной памяти периоди-

чески происходит «переадресация», это связано с переоценкой прошлого, изменением сложившихся стереотипов [15].

В частности, это находит выражение в том, что в угоду реализации политическим интересам происходит нарушение целостности исторического нарратива. Некоторые исследователи ставят под сомнение необходимость исторического нарратива для формирования коллективной памяти. В частности, это проявляется в переломные периоды, когда предпринимаются попытки искусственной замены одного исторического нарратива – другим [1].

Политики часто используют коллективное понимание прошлого, чтобы мобилизовать память как инструмент политики в настоящем. В некоторых случаях они используют исторические аналогии, чтобы сформулировать и продумать важные вопросы. В других ситуациях сведения о прошлом служат для манипулирования памятью, чтобы узаконить действия политических субъектов.

В современных научных исследованиях используется понятие «политика исторической памяти», которое указывает на важную роль, которую играет коллективная память в современной политике. Политика памяти не только создает в настоящем романтический образ прошлого, но и одновременно укрепляет ценность и идентичность нации.

Конститутивные правила в структуре исторической памяти находят проявление в формировании образов «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Историческая память является ареной политической борьбы, дискуссий относительно интерпретации прошлого.

Некоторые исследователи отмечают, что даже если государства в настоящее время не участвуют в международных вооруженных конфликтах, их правительства копируют некоторые военные модели использования истории в качестве идеологического оружия как внутри страны, так и за рубежом. В политических целях используется упрощенная черно-белая трактовка интерпретации прошлого. В результате она используется, с одной стороны, для создания непрерывной истории национального величия, а с другой стороны, для формирования образа врага [21]. Такая модель часто применяется в националистических идеологиях как средство информационных войн.

Коллективная память формируется не только под влиянием социальных фактов. Определенное влияние на общественное сознание оказывают объективные факты, которые в коллективной памяти выступают в форме исторических фактов. Они возникают в результате научного анализа прошлого. Исторические факты опираются на научную методологию и базируются на рефлексивности субъектов в процессе их создания, в то время как формирование социальных фактов определяется процессами отражения социальной реальности в общественном сознании, которые могут использоваться политическими субъектами для достижения своих целей [6]. Выделение исторических и социальных фактов в качестве основания коллективной памяти дает возможность ответить на вопрос о характере взаимодействия исторической науки и коллективной памяти.

Исторические факты, установленные наукой, оказывают влияние на коллективную память. Однако было бы неправомерно ожидать от историков того, что они «ликвидируют пробелы» в коллективной памяти, внесут в нее коррективы. Как было отмечено, коллективная память избирательно относится к прошлому, управляется политическими субъектами. Таким образом, коллективная память не может служить надежным основанием для исторической науки, а историческая наука не способна в полной мере управлять коллективной памятью.

Обсуждение и заключение. Применение методологии конструктивизма Дж. Серла к изучению коллективной памяти дает возможность для ее анализа в качестве целостного феномена социальной жизни. Динамическая структура коллективной памяти определяется отражением в общественном сознании исторических фактов и социальных фактов, которые формируются в результате идеализации, коллективной интенциональности и конститутивных правил.

В отличие от научного исторического познания коллективная память не является рефлексивной, она передает и сохраняет информацию о прошлом в виде нарративов, устной коммуникации, визуальных образов. От коллективной памяти не стоит ожидать объективности, поскольку идеальные объекты, созданные для сохранения информации подчиняются стереотипам описания прошлого, воплощенного в нарративе.

Коллективная память стремится сохранить образы прошлого для социализации индивидов и формирования социальной идентичности, базируясь на интенциональности общественного сознания. Данное свойство трансформирует представления о прошлом с позиций их значимости для настоящего. При этом образы прошлого испытывают влияние интересов социальных общностей, социальных слоев и групп.

Динамика коллективной памяти во многом зависит от конститутивных правил, которые формируются политическими институтами. Несмотря на то, что политика стремится к конструированию устойчивых исторических нарративов для легитимности власти, в действительности она стимулирует создание конкурирующих образов прошлого. Замена «старых» нарративов «новыми», соответствующим актуальным политическим стратегиям, не происходит без борьбы. «Старые» и «новые» не только конкурируют друг с другом, но и создают симбиозы. Это приводит к тому, что коллективная память не способна создать целостную картину прошлого, а включает множество противоречивых фрагментов.

Список литературы

1. Артамонова Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. № 2. С. 29–40.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М. М. Сокольской. М. : Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
4. Власова О. А. Memory studies в горизонте междисциплинарной экспансии и их развитие в истории философии // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 119–125. DOI: 10.17223/15617793/473/14.
5. Дёмин И. В. Проблема соотношения истории и памяти в философско-исторической концепции Аллана Мегилла // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2018. № 1 (23). С. 56–67.
6. Зуев В. В. Проблема реальности объектов науки в полемике «реализм versus конструктивизм»: философско-методологический анализ // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 3. С. 126–139. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-3-126-139.
7. Мегилл А. История и память: за и против // Философия и общество. 2005. № 2. С. 132–165.
8. Нечаева А. А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 121–129.
9. Подвойский Д. Г. Лабиринтами Матрицы: осваивая социальный конструкционизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 60–92. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1644.
10. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3 (15). С. 12–21.
11. Романова К. С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 31–36.
12. Серл Д. Р. Конструирование социальной реальности / реферативный перевод с английского, Романова А. ПИТЕР, 1999. 101 с.
13. Серл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 4–27.
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
15. Шестов Н. И. Механизм «адресации» исторической памяти // История и историческая память. 2018. № 16. С. 9–19.
16. Alkatiri Z., De Archellie R. National patriotic day parade: the politics of historical memory and reconstruction of the russian identity during Putin era // Cogent Arts & Humanities. 2021. Vol. 8. No. 1. DOI: 10.1080/23311983.2021.1992081.
17. Azar G. Premodern Nations, National Identities, National Sentiments and National Solidarity. The Roots of Nationalism: National Identity Formation in Early Modern Europe, 1600–1815 / ed. by Lotte Jensen. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2016. Pp. 31–46. DOI: 10.1515/9789048530649-003.
18. Carretero M., van Alphen F. History, Collective Memories, or National Memories? How the Representation of the Past Is Framed by Master Narratives in Brady Wagoner (ed.), Handbook of Culture and Memory. Frontiers in Culture and Psychology. New York, Oxford Academic, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780190230814.003.0013.
19. Grundy C. J. What are the criticisms of the concept of collective memory? Are they valid? // History-Hub. 2018. No. 9. URL: <https://historyhub.info/concept-of-collective-memory/> (дата обращения: 30.01.2023).
20. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. 2002. Vol. 41. No. 2. Pp. 179–197.
21. Kończal K., Moses A. D. Patriotic Histories in Global Perspective // Journal of Genocide Research. 2021. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968136.
22. Labrunie P. Gregory Carleton, Russia: The Story of War // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2019. Is. 20/21. DOI: 10.4000/pipss.5646.
23. Plotkin H. Human nature, cultural diversity and evolutionary theory // Philosophical Transactions of The Royal Society B Biological Sciences. 2011. Vol. 366. Is. 1563. Pp. 454–463. DOI: 10.1098/rstb.2010.0160.

The dynamic structure of collective memory from the standpoint of the methodology of social constructivism

Cvetkova Irina Viktorovna¹, Evchenko Olga Sergeevna²

¹Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy, Togliatti State University. Russia, Togliatti. ORCID: 0000-0002-3433-328X. E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

²PhD in Philosophical Sciences, Acting Head of the Department of History and Philosophy, Togliatti State University. Russia, Togliatti. ORCID: 0000-0002-3198-4597. E-mail: evchenko75@mail.ru

Abstract. The relevance of the work is due to the development of a new scientific direction related to the study of collective memory, Memory Studies. Philosophers, historians, sociologists, cultural scientists, and political scientists take part in the development of this interdisciplinary direction. As research has been carried out in various fields, many terms have appeared describing the phenomenon of collective memory, for example, "historical memory", "social memory", "political memory" and so on. Memory Studies is considered as a field of knowledge that acts as an alternative to the "traditional" historical science. The purpose of the article is to describe the structure of collective memory in the context of the methodology of constructivism. The advantage of this approach is that it makes it possible to study the structural elements of collective memory, to identify the mechanisms of its functioning in social life. As a methodological basis for the analysis, the concept of the American philosopher J. Searle, in which the perception of society is constructed with the help of social and objective facts. Historical facts, which are the result of scientific research, have a certain impact on collective memory. For historical science, collective memory is an object of critical analysis, and not a solid basis for conclusions. In constructivism, the formation of collective memory is considered as the creation of social facts based on ideal objects, intentionality and constitutive rules. This structure of social facts is used in the work to describe the mechanisms of collective memory. The formation of ideal objects takes place on the basis of a selective attitude to the events of the past. At the level of individual experience, information about the past is recorded using the means of communication and becomes available not only to eyewitnesses of events, but also to other members of the community. The processes of intentionality create a general idea of the events of the past in the form of a narrative, which are used to form an identity. Constitutive rules are used to manage collective memory in order to solve political problems. Thus, collective memory from the standpoint of constructivism is considered as a dynamic structure that changes under the influence of social factors of modern social life.

Keywords: collective memory, methodology of constructivism, structure, social identity, public consciousness, stereotypes, values, historical narrative.

References

1. Artamonova Yu. D. *K voprosu o mekhanizmah istoricheskoy pamyati* [On the question of the mechanisms of historical memory] // *Vestnik slavyanskikh kul'tur* – Herald of Slavic Cultures. 2018. No. 2. Pp. 29–40.
2. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics] / transl. by B. Khlebnikov. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2014. 328 p.
3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity] / transl. by M. M. Sokolskaya. M. Yazyki Slavyanskoy kultury (Languages of Slav. culture). 2004. 363 p.
4. Vlasova O. A. *Memory studies v gorizonte mezhdisciplinarnoy ekspansii i ih razvitie v istorii filosofii* [Memory studies in the horizon of interdisciplinary expansion and their development in the history of philosophy] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2021. No. 473. Pp. 119–125. DOI: 10.17223/15617793/473/14.
5. Demin I. V. *Problema sootnosheniya istorii i pamyati v filosofsko-istoricheskoy koncepcii Allana Megilla* [The problem of the correlation of history and memory in the philosophical and historical concept of Allan Megill] // *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* – Herald of Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology. 2018. No. 1 (23). Pp. 56–67.
6. Zuev V. V. *Problema real'nosti ob'ektov nauki v polemike "realizm versus konstruktivizm": filosofsko-metodologicheskij analiz* [The problem of the reality of objects of science in the polemic "realism versus constructivism": philosophical and methodological analysis] // *Filosofskij zhurnal* – Philosophical Journal. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 126–139. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-3-126-139.
7. Megill A. *Istoriya i pamyat': za i protiv* [History and memory: pros and cons] // *Filosofiya i obshchestvo* – Philosophy and Society. 2005. No. 2. Pp. 132–165.
8. Nechaeva A. A. *Stanovlenie memory studies kak ot del'noj oblasti znaniya: osnovnye voprosy i ponyatiya* [The formation of memory studies as a separate field of knowledge: basic issues and concepts] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* – Herald of the Nizhny Novgorod University n. a. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2020. No. 4 (60). Pp. 121–129.

9. Podvojskij D. G. *Labirintami Matricy: osvayvaya social'nyj konstrukcionizm* [The labyrinths of the Matrix: mastering social constructionism] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* – Monitoring public opinion: economic and social changes. 2020. No. 4. Pp. 60–92. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1644.
10. Ragozina T. E. *Kul'turnaya pamyat' versus istoricheskaya pamyat'* [Cultural memory versus historical memory] // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* – Science. Art. Culture. 2017. No. 3 (15). Pp. 12–21.
11. Romanova K. S. *Diskursy istoricheskoy pamyati* [Discourses of historical memory] // *Diskurs-Pi* – Discourse-Pi. 2016. No. 3–4. Pp. 31–36.
12. Searle D. R. *Konstruirovaniye social'noj real'nosti* [Constructing social reality] / abstract translation from English, Romanova A. PITER. 1999. 101 p.
13. Searle J. *Chto takoe institut?* [What is an institute?] // *Voprosy ekonomiki* – Economic issues. 2007. No. 8. Pp. 4–27.
14. Halbwaks M. *Social'nye ramki pamyati* [Social framework of memory] / transl. from Fr. and an introductory article by S. N. Zenkin. M. New Publishing House. 2007. 348 p.
15. Shestov N. I. *Mekhanizm "adresacii" istoricheskoy pamyati* [Mechanism of "addressing" historical memory] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* – History and historical memory. 2018. No. 16. Pp. 9–19.
16. Alkatiri Z., De Archellie R. National patriotic day parade: the politics of historical memory and reconstruction of the Russian identity during Putin era // *Cogent Arts & Humanities*. 2021. Vol. 8. No. 1. DOI: 10.1080/23311983.2021.1992081.
17. Azar G. *Premodern Nations, National Identities, National Sentiments and National Solidarity. The Roots of Nationalism: National Identity Formation in Early Modern Europe, 1600–1815* / ed. by Lotte Jensen. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2016. Pp. 31–46. DOI: 10.1515/9789048530649-003.
18. Carretero M., van Alphen F. History, Collective Memories, or National Memories? How the Representation of the Past Is Framed by Master Narratives in Brady Wagoner (ed.), *Handbook of Culture and Memory. Frontiers in Culture and Psychology*. New York, Oxford Academic, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780190230814.003.0013.
19. Grundy C. J. What are the criticisms of the concept of collective memory? Are they valid? // *HistoryHub*. 2018. No. 9. Available at: <https://historyhub.info/concept-of-collective-memory/> (date accessed: 30.01.2023).
20. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. No. 2. Pp. 179–197.
21. Kończal K., Moses A. D. Patriotic Histories in Global Perspective // *Journal of Genocide Research*. 2021. DOI: 10.1080/14623528.2021.1968136.
22. Labrunie P. Gregory Carleton, Russia: The Story of War // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2019. Is. 20/21. DOI: 10.4000/pipss.5646.
23. Plotkin H. Human nature, cultural diversity and evolutionary theory // *Philosophical Transactions of The Royal Society B Biological Sciences*. 2011. Vol. 366. Is. 1563. Pp. 454–463. DOI: 10.1098/rstb.2010.0160.